

О ДОЛГЕ И ДОЛГАХ

КАК ИХ ПОНЯЛИ ОТЕЦ И СЫН

Кто я? Считаюсь учеником девятого класса, мне 15 лет. Но с седьмого класса я еще не выучил ни одного урока. В таблице у меня одни двойки, по поведению тоже. С седьмого класса меня, как говорят, «перетягивают за уши», хотя я этого не просил.

Я самый трудный. Несколько раз я пытался уйти из дома. Бежал. Но каждый раз меня водворяли в мою милую семейку.

Многие удивляются, почему я такой, я другой раз и сам не могу понять. У меня есть все, дома меня любят, по крайней мере, говорят, что любят. Все покупают. У меня есть и джинсы «фирмовые», и костюмы, которые носят все мальчишки, мои знакомые. У меня есть стереомагнитофон. У меня даже есть машина. Правда, она пока у деда, но будет моя, отец сам сказал. А мне ничего не надо. И если я не получу срок до тех пор, пока мне не выдадут паспорт, то уеду куда-нибудь далеко, на Колыму или в Магадан. Оставляю своим «любящим родителям» и стереомагнитофон, и «фирмовые» джинсы, и машину. Там сброшу свою позорную кличку —

«подонок». Буду работать. И вышлю своим родителям деньги, которые они истратили, кормив меня. А когда стану взрослым и у меня будет сын, никогда моему сыну не будет стыдно за меня. Никто не попрекнет сына, что отец его вор. Мой сын будет гордиться мной, а я им.

Мой отец не пьет, не бьет ни мать, ни меня. Работает, как каторжный (так он говорит), чтобы я жил хорошо. Работает мясником в магазине, продает мясо. Сколько он получает, я даже не знаю. Но знаю другое, как они ни стараются скрыть. Экспедитор привозит лишнее мясо, отец с ним делится. Все мясо второго и третьего сорта продают за первый. Тот же экспедитор привозит кости, которые отец продает тоже за первый сорт. Уток получает по 1 р. 20 к., несколько дней придержит, и когда получит партию по 1 р. 80 к., то под шумок продаст по дорожной цене и дешево.

У него есть и расход. Надо дать заведующей магазином, еще кому-то. Сами воруют, а из меня хотят сделать честного человека. Отец и мать говорят

мне о честности, а сами деньги, много денег прячут у деда. И машину купили как будто на деньги деда.

Адреса и своего имени я вам, конечно, не дам. Захотите ответить мне, отвечайте через газету. Может, вы мне посоветуете, что делать.

«Классная дама» не считает меня за человека. Унижает, выставляет на посмешище. Радует, когда я срываюсь, и сама же меня провоцирует. Она-то знает, где мои больные места, куда можно ужалить. По ее предмету я не знаю ничего, я просто не хожу на ее уроки. А она мне ставит тройки, и я перехожу уже в 9-й класс.

А теперь — самое главное. Скоро получу паспорт. Серезжа-подонок, а другие наши ребята ничего. Боюсь, они пропадут с Серезжкой. Он их не выпустит, они его боятся. Уже воруют для Серезжки. Я отказался, он меня избил. Но я все равно не боюсь его. Ненавижу, но не боюсь. На работу не берут никуда. Вот и числюсь за школой, учеником. А какие мы ученики! Пьем, гуляем. Хоть бы «Комсомолка» что-нибудь придумала для нас. С приветом, хоть и подонок, но все-таки человек.

САША.

ДОРОГОЙ Саша! Мне понятно на вся горечь твоей беды, вся тяжесть теперешней твоей жизни. И желание твое начать новую жизнь полностью разделяю. В конце концов позади у тебя только детство, а впереди — годы и годы. И, конечно же, хочется, чтобы они прошли по-другому: без лжи, без воровства, без унижений. Чтобы все старое отпало и забылось.

Но ты уж извини — разговор о твоём будущем придется начать с прошлого.

Ведь прежде, чем вступать в новую жизнь, надо покончить со старой. А этого не добиться одной переменной места жительства.

Ну, получишь ты паспорт, уедешь в Магадан — и все свои ошибки потащишь с собой. Все заблуждения, все углы характера, все недоверие к миру, всю ненависть, накопившуюся в душе. А хорошая, честная, радостная жизнь никогда не держится на ненависти.

Чтобы прошлое не заразило будущее, надо спокойно разобраться не только в своих бедах, но и в своих ошибках.

Для начала давай не будем ругать твоего отца. Видимо, насчет него ты полностью прав: и ворует, и лицемерит, и просто лжет. Но сколько бы мы с тобой ни перебирали провинности отца, ты-то от этого лучше не станешь! А надо, чтобы стал лучше, обязательно надо. Я ведь всерьез принимаю твои слова о будущем сыне, который когда-нибудь станет гордиться тобой...

Поэтому, хотя отец перед тобой виноват тяжко, я хочу спросить о другом: а ты сам перед отцом не виноват?

Любой грамотный юрист скажет: по закону отец отвечает за несовершеннолетнего сына, а сын за отца не отвечает. Но мы с тобой не юристы. Поэтому скажем по-иному: грош цена сыну, который не отвечает за отца перед собственной совестью.

Не знаю, куда заведет твоего родителя извилистая его дорожка. Скорей всего — в тюрьму. Ну, и кто тогда будет писать ему письма? Посылать посылки? Встречать после освобождения?

Думаю, ты, Саша. Ведь не случайно и сегодня, когда отец существует сыто, гладко, и пол под ногами не колышется, у тебя так яростно болит за него душа...

Да, за будущее отца по закону тебе отвечать не придется. По совести, верю, ответишь.

Но ведь если по совести, то и отцовскому прошлому ты человек не посторонний.

Мне уже приходилось писать, что не только родители воспитывают детей — и дети

воспитывают родителей. Сын, много и вздумчиво читающий, воспитывает у родителей уважение к книге. Сын, светливо меняющий наряды, воспитывает уважение к тряпке. Умный, жадный к науке сын растит родителей оптимистами, людьми жизнерадыми, уверенными в завтрашнем дне. Сын-бездельник развивает в них осторожность и страх, вынуждает копить на черный день, ибо с сыном-бездельником черных дней впереди предвидится много. Веселый ребенок активно поощряет в старших чувство юмора, упрямый и вредный — озлобленность и занудную страсть к нотациям.

Больше всего воспитывают друг друга близкие люди — как и вообще люди — личным примером. Рядом с честным начинаем ценить честность, рядом с хитрым приучаемся хитрить...

Отец тебя воспитывал очень плохо.

Ну, а ты отца?

Я верю, сейчас тебе не нужен ни стереомагнитофон, ни «фирменное» тряпье в широком ассортименте, ни машина в близком будущем. Но разве случайно все это покупалось? Ведь не силой тебя всовывали в простроченные штаны стоимостью в полтора целковых?

Тебе покупали то, что ты просил. Не просил? Значит, покупали то, что хотел. О желаниях детей родители догадываются быстро. Сегодня ты с досадой отпыхиваешь эти вещи — но вчера-то ими пользовался...

А, между прочим, одни джинсы — это целая библиотека. Почему же не библиотеку купил тебе отец?

В тринадцать, в четырнадцать, в пятнадцать лет каждый из нас стремится утвердить себя в мире, хочет, чтобы окружающие его уважали, на худой конец, хоть замечали. Умного — замечают. Доброго — замечают. Хорошо одетого — тоже замечают. Даже выпившего подростка замечают.

Способ стать заметным выбирал ты сам — разве не так, Саша? Отец лишь подвел под твой выбор материальную базу. Помогал тебе, как умел.

Кстати, ты мог бы и своевременней догадаться, что деньги на все эти роскошества берутся не из скромной зарплаты мясника...

Вот уже несколько лет ты практически не учишься. А отец тебя любит: ведь даже отец, который ворует, — все-таки отец. Он беспокоится о твоём будущем. И наверняка прикидывает, чем можно компенсировать дыры в твоём образовании.

А чем их компенсируешь? Устраивать тебя в институт, в техникум, в училище? Там ведь экзамены, конкурс, а другие абитуриенты учатся как следует. Значит, нанимай репетиторов. Значит, деньги.

Ты уже сейчас думаешь о сыне. А отец, наверное, думает о внуке. А как сделать, чтобы подходящая девушка с интересом посмотрела на парня, который не только не интересен, но и не слишком грамотен да к тому же еще и пьет? Значит, нужны костюмы, магнитофоны и прочие дорогие игрушки детей предбрачного возраста, значит — собственная машина. Значит — деньги.

Верю: ты не требовал с отца денег. Их требовали твои двойки, твоя дворовая компания, твоя разболтанность и лень.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что ты виноват в махинациях отца с говядиной, утиной и костями первого сорта. Смешно было бы так думать. Но ты дал ему великолепную отговорку, прекрасное оправдание перед своей совестью. Мол, ворую ради сына — а как еще поднять его на ноги?

Родители тебе лгут. А ты лжешь им. Отец скрывает, что ворует, ты — что пьешь. Они прячут от тебя свою подлинную жизнь точно так же, как ты от них прячешь свою.

Я даже вот что думаю: если бы года три назад все, что написано в твоём письме, ты высказал отцу с той же болью за него и с любовью к нему, что так и сочатся из корявых строчек, может, жизнь его пошла бы хоть чуть, да по-другому. Почувствуй он в сыне не разболтанного и эгоистичного мальчишку, а товарища, подлинно близкого человека...

Нет, не состоялся у вас тот разговор.

Между вами — настоящая стена непонимания. Но стена эта толщиной в два кирпича: отец кладет свой ряд, ты — свой. Вот такие вы с ним каменщики...

Ты мечтаешь о будущем: «Мой сын будет гордиться мной, а я им». Надеюсь, у тебя так оно и получится. Когда можно гордиться сыном, это не только великая радость, но и великий стимул для честной, доброй жизни.

Жаль, что собственному отцу ты не дал ни этой радости, ни этого стимула.

Да, плохо ты воспитывал родителей, Саша!

Еще раз повторю: не будем преувеличивать, твоя вина в судьбе отца не так уж велика. Но велика она или мала, ты ее должен понять. Новая жизнь начинается с понимания старых ошибок.

А ТЕПЕРЬ давай о главном — о твоей новой жизни. Как жить, чтобы твой будущий сын гордился тобой?

Ты полон решимости добиться этого. Настоящая решимость — полдела. Но все равно, Саша, остается другая половина дела: нужно выполнить то, что решил.

Когда я понял из твоего письма, как отчаянно ты рвешься уехать из дому — и от родителей, и от Серезжки, — я не только твоему желанию посочувствовал, но и машинально стал перебирать в памяти стройки, на которых бывал. И теперь, по спокойном размышлении, не знаю, как для тебя было бы лучше: остаться в своем городе или уехать. Может, действительно уехать? Новая жизнь — на новом месте?

Но все равно, главное — не это.

Вот ты пишешь, как унижает тебя твоя «классная дама», как выставляет на посмешище. Что и говорить, метод для учителя непростительный. Никто не имеет права унижать человека — даже школьника, который не учит уроки два года подряд.

Но, видишь ли, Саша, не кажется ли тебе, что унижает тебя и выставляет на посмешище не только «классная дама», но и собственное невежество? Обидно, но все твои невыученные уроки еще долго будут тебе мстить: в самых разных случаях перед самыми разными людьми будешь чувствовать себя все тем же горьким двоечником. И в компании ровесников, и когда-нибудь на работе вдруг потребуются знания — а их нет. Не взял, когда давали...

Понимаю — хочется рывком, сразу изменить и жизнь, и себя. Пусть с риском, пусть ценой пота, даже крови.

Но, увы, есть проблемы, которые не решаются рывком.

ЧТО-ТО странненький у нас с тобой получается разговор: ты — про отца, а я — про тебя. Но что делать, Саша, если в понятие «подонок» ты никак не уместаешься, поскольку совесть у тебя жива и болит. Приходится разговаривать с тобой, как с хорошим человеком. А хороший человек от плохого отличается, в частности, тем, что в трудной ситуации ищет, в чем виноват и что должен сделать сам. Это плохой ищет, в чем виноват и что должны ему другие.

Может, новую жизнь стоит начать с того, что плюнуть на чужие долги и добросовестно подсчитать собственные?

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.